

Невельская-Гордеева Е.П. ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ XX СТОЛЕТИЯ

Дефиниции всегда играли существенное значение как в науке, так и в юридической практике. Можно сказать, что логика как наука началась с изучения понятий: Пифагор исследовал категории; Платон, Демокрит, Диоген акцентировали внимание на определениях. Еще древние греки, начиная диспуты, в первую очередь определяли понятия. Спор относительно понятий, если таковой возникал, проходил на первом этапе дискуссии после выяснения характера предстоящих переговоров. Сегодня подход к терминологии несколько изменился? и поэтому цель данной работы – очертить круг современных вопросов логики, связанных с дефинициями научных терминов в юриспруденции.

Наблюдающееся ныне торжество постмодернистской парадигмы с его критикой логоцентризма и бинарной логики, по точному выражению Г. Л. Тульчинского, обернулось логомахией, грамматологией и тотальным торжеством означающих без означаемых, что с неизбежностью породило необязательность письма – в любой момент можно поставить точку, в любой момент можно продолжить [15, с. 424]. Такая необязательность письма приводит к нечеткости научных текстов, и в первую очередь – к размытости или полному отсутствию, дефиниций. Это приводит просто к курьезным ситуациям. В научной статье, посвященной нормам языка и права в общественной коммуникации, говорится: «в стране начался процесс складывания правового пространства» [5, с. 95], т. е., говоря о нарушении коммуникационных норм, автор легко нарушает научные нормы: используется понятие «правовое пространство» как всем известное, а, следовательно, четко определенное; в то время как в юриспруденции отсутствует не только однозначное, но и научно обоснованное определение таких понятий как, «правовое пространство», «нормативное пространство», «нормативно-правовое пространство» (эти термины зачастую употребляются как синонимы, что свидетельствует об их журналистской популярности и научной непроработанности [7, с. 202]). И это в условиях, когда формирование юридического понятия рассматривается как универсальная процедура развития научного знания, сущность которой в отношении правовых понятий лежит в формулировании знаний в области государственно-правовых явлений [9 с. 54].

Н. И. Панов разделяет все правовые категории в зависимости от их статуса, т. е. реального места и роли в юридической науке и практике, на две большие группы – “доктринальные” и “легальные” правовые понятия, в совокупности создающие понятийный аппарат юридической науки [10, с. 59]. Доктринальные – это те правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно науке и при помощи которых выражаются те или иные концепции, теории, учения юриспруденции. Они собственно и составляют содержание юридической науки как результат познавательной деятельности, несут в себе первичную правовую информацию. Легальные – это такие понятия, которые получили нормативное закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах, законах и подзаконных актах, принадлежат не только юридической науке, но и позитивному праву. И в этом заключается специфика юридической терминологии.

Известны исторические примеры, когда понятия использовались без четкой юридической дефиниции и это приводило к различным толкованиям термина. Авраам Линкольн, обращаясь к Декларации Независимости, подчеркивал, что там утверждается равенство прав всех людей, в то время как судья Стивен Дуглас в решении по делу Дреда Скотта признал невозможность считать черных полноправными людьми на том основании, что в Декларации речь идет только о людях белой расы, а не об африканцах [3, с. 206–207]. Выступая против распространения рабства на новой территории, Авраам Линкольн неоднократно обращался к Декларации Независимости. Он считал годом рождения Соединенных Штатов 1776 именно потому, что в этом году была написана Декларация Независимости (Конституция была подготовлена позднее, в 1787 году, утвержденная в 1788, а Джордж Вашингтон принял присягу и стал первым президентом США в 1789 г.). Оппоненты Линкольна прибегали к Конституции с ее скрытыми указаниями на институт рабства, и именно она считалась решающим аргументом в вопросах политики относительно распространения рабства. Они сделали дату принятия Конституции юридической датой рождения страны.

А. Линкольн утверждал, что Декларация несла надежду на то, что наступит время, когда все люди будут иметь равные возможности: Декларация Независимости утверждает равенство прав всех людей. Однако во времена А. Линкольна Декларацию Независимости в США толковали неоднозначно [3, с. 206–207]. Так, решение суда по делу Дреда Скотта признало, что черных нельзя считать полноправными людьми в связи с Конституцией. После того, как было объявлено решение, судья Стивен Дуглас заявил: в Декларации Независимости, в утверждении о том, что все люди созданы равными, речь идет только о белой расе, а не об африканцах. Он сказал, что Отцы-основатели имели в виду лишь то, что британские предстатели на их континенте владеют теми же правами, что и британские граждане, которые живут в Великобритании. В ответ А. Линкольн сказал такие слова: «Я думал, что Декларация Независимости отображает медленное улучшение положения людей; но нет, по мнению Дугласа, она была принята для оправдания в глазах цивилизованного мира колонистов, которые отказались быть верными Британской Короне...» [3, с. 208]. Мы видим, что различные толкования понятия дают возможность строить прямо противоположные выводы.

Современные законы обязательно содержат определения ключевых понятий: в Украине дефиниции помещаются в первом разделе закона (см., например, Закон о рекламе [8]), в Молдавии – в преамбуле закона. Сегодня юристы понимают отсутствие определения понятия как недопустимый пробел. Так, Г. Миронова обращает внимание на то, что, провозглашая моральные основы общества основой построения правовой системы, Семейный кодекс Украины молчаливо признает, что таковые основы существуют, они являются стабильными

и, главное, важными для сохранности целостности правового и морального порядка в обществе [9, с. 89]. Но дефиницию моральных основ законодательство не дает и поэтому открывает поле для разных толкований. Сама Г. Миронова считает, что моральные основы – это общий этический порядок, который касается внутренней свободы человека, где властвует совесть (термин "совесть" в законодательстве Украины также используется без юридической дефиниции – см. [13]), т. е. признаются постоянные неизменные общечеловеческие ценности.

Однако взгляд на моральные ценности может быть и прямо противоположен: сенатор Дж. Байден, который при президенте Дж. Буше (старшем) занимал должность председателя Юридического комитета, утверждал, что естественное право признается хорошим, если оно не навязывает народу никакого морального кодекса. Хорошее естественное право, по его мнению, – это не неизменный набор "вечных истин", а скорее совокупность идеалов, которые развиваются, разрешая правительству приспосабливаться к социальным изменениям и к новым экономическим обстоятельствам. Плохое естественное право – это, наоборот, неизменный моральный кодекс, ограничивающий волю людей порождая то, что им представляется наилучшим, или свободу правительства делать то, что требуют интересы общества [3, с. 134]. Сенатор Дж. Байден использует термин "естественное право" не в классическом понимании, а ставит позитивное право выше объективного естественного закона. Правовед Ф.Джонсон не соглашается с Дж. Байденом и утверждает существование объективных, трансцендентных и абсолютных законов морали [3, с. 134]. Отсюда следует невозможность утверждать, что люди – морально автономные существа, которые имеют право устанавливать личные стандарты и отступать от обычаев предков – а именно к этому и стремится современное человечество. Сегодня если кто-то признает вечные нормы, то он наклеивает на себя обвинения в навязывании своей морали людям с другими взглядами. Вместе с этим, бесспорно, фиксируются мировоззренческие основания нигилизма – это отвержение высшего морального закона.

Сегодня мы наблюдаем, как на практике внедряется точка зрения относительно отсутствия абсолютных моральных ценностей: шведский суд присудил пастора–пятидесятника А. Грина к месячному заключению за его негативное отношение к гомосексуалистам, которое священник высказал во время проповеди [12, с. 3]. Выступая перед прихожанами в своей церкви в городе Боргхольме, пастор Грин назвал гомосексуализм «ненормальным явлением, раковой опухолью на теле общества». Председатель шведской Лиги защиты прав геев и лесбиянок С. Андерсон так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Религиозная свобода не дает права обижать людей, так что я не считаю решение суда нарушением свободы вероисповедания» Пастор Грин – первый гражданин Швеции, осужденный в этой стране по закону об оскорблениях, который раньше применялся к лицам, которые пропагандировали расовую ненависть. Во время суда государственный обвинитель Ч. Ингвессон предъявил аудиозапись проповеди Грина и спросил подсудимого, считает ли он гомосексуализм болезнью, на что пастор ответил утвердительно. Пастор объяснил, что своей речью он не ставил цель нанести кому-то обиду, а лишь передавал библейский взгляд на гомосексуализм. Главный довод защиты состоял в том, что осуждение Грина будет означать ограничение его права высказывать свои религиозные убеждения [12, с. 3]. Похожая ситуация могла бы появиться и в России в 2002 году, когда Госдума России обсуждала законопроект, согласно которому, будь кто из новейших сектантов – свидетель Иеговы, мормон или муновец, если он считает себя оскорбленным православным священником или публицистом в своих "религиозных чувствах", имел бы возможность не только подать жалобу в Патриархию (что он мог сделать как раньше, так и сейчас), но и требовать наказания "виновных" от РПЦ, а последняя, в свою очередь, обязана будет отлучить нарушителя принципов веротерпимости от Церкви [2, с. 188].

Юридическое определение понятия будет влиять на дальнейшее применение правовой нормы. Типичный пример – проект Закона Молдавской республики о религиозных организациях, который обсуждался в Тирасполе [4, с. 27]. В преамбуле этого закона есть дефиниция религии: "Религия – это вера в Бога". Далее идет ряд ограничений: запрещается торговать религиозной литературой за пределами храмов, запрещается присутствие священников в школах, даже в частных. Дело в том, что все эти запреты применяются лишь к теистическим религиям, а большинство современных религиозных деноминаций остается за пределами норм, которые могут быть внедрены так как они, во-первых, не именуют себя религией, а во-вторых – не имеют важного признака относительно веры в Бога, как это устанавливает дефиниция в преамбуле проекта Закона о религиозных организациях. Действительно, большое количество современных сект регистрируется в качестве центров духовного развития, спортивных кружков, целительских организаций. При этом они настаивают на своей нерелигиозности, так как религия – это вера в Бога, а они или с космосом общаются, или с духами предков, космические энергии вызывают, ищут связь с Шамбалой, и так далее, а в Бога как такового веры не имеют. В связи с этим предлагается введения термина «нелегальная» религиозная организация [1, с. 26]. Признак "нелегальная" используется именно потому, что такие организации не регистрируются в качестве религиозных, а презентуют себя как общественные, культурные, образовательные центры и активно распространяют свою доктрину под прикрытием выставок, семинаров, медицинских практик и т. п.

Таким образом, определение понятия "религия" должно быть более широким, должно включать в свое содержание сущность и нетеистических форм религиозного сознания. В данном контексте речь идет именно об юридическом определении, а не о богословской дефиниции. Если эта дефиниция не богословская, то она не должна включать критерии верности или неверности религии как такой. По мнению А. Кураева, религиозное и юридическое определения понятия "религия" наиболее корректно были предложены Э. Трубецким в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона [4, с. 27]. Религия трактуется им как вера человека в существование духовного мира вне человека, в существование более высокого, умного, духовного начала. Мир духов, мир олимпийских богов, мистический закон Дао, в конце концов, инопланетяне – их приверженцы в таком

случае будут религиозными людьми.

Украинский институт законодательного предвидения и правовой экспертизы с целью определения приоритетов и перспектив развития государственно-церковных отношений подготовил и презентовал проект "Основ (Концепции) государственно-церковных отношений в Украине" [11]. Эта Концепция базируется на принципах свободы вероисповедания, отделения церкви от государства, непризнания государством ни одной религии как обязательной, признания важной роли христианства киевской традиции в формировании национальной самобытности и культуры украинского народа, паритетность отношений государства с церковью, равенство религий и конфессий перед законом, равенство защиты прав и законных интересов каждого человека и равенство граждан во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии. Обращает на себя внимание то, что авторы этого документа не используют термин "православие", заменяя его на "христианство киевской традиции", которое, бесспорно, требует своего определения.

Г. Рабинович и Л. Ярмол, анализируя указанную Концепцию, обращают внимание на такие положительные моменты, как определения основных понятий, которые употребляются, в ст. 1 законопроекта [13, с. 17]. Между тем они не соглашаются с дефинициями некоторых терминов. В Основах понятие «вероисповедание» толкуется как система определенных религиозных взглядов, догм и представлений, определяющим признаком которых является вера в реальность сверхъестественного начала; «верующий» – это лицо, которое является субъектом религиозной веры и деятельности, носителем религиозного сознания, религиозного опыта. Научные работники делают замечание, что «вера (в широком понимании) – это уверенность в существовании какого-либо явления, признание его реальности независимо от характера доказательств, фактов, на которых эта убежденность основывается» [13, с. 21]. Любая вера имеет свой объект; человек верит во что-то. Объект веры может быть как религиозным, так и нерелигиозным (прогресс, физическое бессмертие человечества и т. п.). Отсюда вытекает, что верующий человек должен иметь не любую веру, а именно религиозную. Так, в Дании в 1996 г. было отказано в выдаче специальной лицензии на право подтверждения брака Обществу сознания Кришны на основании того, что такой документ выдается лишь религиозным организациям, а указанное Общество таковым не является.

Термин «религия» законопроектом определяется как «вера человека в существование сверхъестественного начала, которое есть источник бытия всего существующего, средство общения с ним, вхождения в его мир». Такая дефиниция разрешает определять как религиозные и современные сектантские организации.

А как толковать понятие "секта"? Этот термин имеет разные значения. Религиозное определение раскрывает содержание этого понятия так: религиозная группировка, которая противопоставляет себя верховной Вселенской Церкви и имеет особые, отличные от нее религиозные учения и религиозную практику [4, с. 26]. В XX веке у термина «секта» появляется другая трактовка – социологическая: секта – это религиозная группа, которая не имеет связи с элитами данного общества. Сейчас во французском законодательстве делаются попытки относительно установления юридического определения этого термина. По мнению члена экспертного Совета Государственной Думы РФ по вопросам свободы совести дьякона Андрея Кураева, указанные попытки связаны с отождествлением понятий «секта», «деструктивная секта» и «тоталитарная секта», что представляется лишним, так как, например, баптистов как сектантов никогда не обвиняли ни в деструктивном характере, ни в тоталитарном стиле. Один из аргументов сектантских апологетов состоит в том, что термин «секта» не определен юридически, поэтому никто не имеет права называть сектантами отдельные религиозные организации. Действительно, современное законодательство Украины (как и России) не дает юридического определения понятия «секта». Но означает ли этот факт, что такой термин нельзя использовать? Безусловно, нет. В законодательстве Украины не существует юридической дефиниции термина «совесть», на что указывают П. Рабинович и Л. Ярмол [13, с. 22], как и дефиниции понятия "моральные основы", на что обращает внимание Миронова [6], но разве это означает, что эти понятия запрещено использовать?

Обратим внимание на полезный опыт Литвы, где в начале 90-х годов был ряд неприятных инцидентов с внедрением деструктивных и сектантских культов в школе [6, с. 44]. Сейчас разрешается преподавать религиозные предметы в школах лишь представителям традиционных конфессий. В законодательстве Литвы закреплено положения про 8 традиционных религий в государстве. В этот список включены те религиозные организации, которые имеют глубинные исторические корни: католичество, православие, иудаизм, мусульманство (религия местных татар), кальвинизм, лютеранство, то есть конфессии, которые существуют в стране уже много веков. Все современные секты не попадают в этот перечень и находятся вне школы, поэтому их адепты не имеют права вести уроки религии, а также заниматься в государстве открытым прозелитизмом и пропагандой своих учений [16, с. 44].

Следует различать тоталитарное течение и течение, которое имеет тенденцию стать тоталитарным. А. Кураева считает, что признаком последней является в первую очередь лексикон: это чрезмерная насыщенность религиозного учения воинскими терминами ("всюду враги", "идет война", "битва") и непризнание религиозной группой права других не соглашаться с учением секты [4, с. 27].

С. В. Рыбаков предложил еще одно деление религиозных организаций относительно критерия "позитивности" – "негативности": религиозные организации, которые придерживаются законодательства, правил и распоряжений, не замеченные в нарушениях чего-нибудь, то есть "положительные"; "положительные" религиозные организации с незначительными нарушениями законодательства, правил, распоряжений, которые не приносят кому-нибудь вреда; деструктивные религиозные организации, то есть "негативные" [4, с. 171]. Автор не определяет содержания «позитивности»–«негативности», но из контекста его работы можно выяснить, что под отрицательным влиянием он понимает деструктивизм, вред, который приносится человеку и обществу в целом, деятельность, которая способна вызвать антиобщественные явления. Поправка 1 к Конституции США

провозглашает, что «конгресс не должен одобрять законы, которые ... запрещали бы свободное отправление религиозных обрядов...» [Цит. по: 13, с. 17]. Если секта приверженцев сатаны по своим обрядам приносит в жертву грудного ребенка или взрослого человека, то ей нельзя запретить свободное отправление своих обрядов? С. В. Рыбаков квалифицирует такую секту как отрицательную.

Другой вариант выяснения направления религиозных организаций предложен А. Кураевым, который считает, что необходимо акцентировать внимание на следующих вопросах: а) как это религиозное учение представляет себе спасение; б) от чего нужно спастись (варианты могут быть разные – от своей личности, или, наоборот, спасти свою индивидуальность от чужеродных знаний, бездуховности и т. п.); в) что именно подлежит спасению (собственно, человек, лишь ли его духовное начало, а тело спасению не подлежит); г) какие средства для спасения используются в данной религии [4, с. 28]. Если дать ответы на эти вопросы, то четко проявится сущность каждой из религиозных группировок.

Все вышеизложенное ставит под сомнение положение о том, что доктринальные правовые категории, значимые в общекультурном контексте, можно использовать в понятийном аппарате юридической науки без специальной дефиниции (доктринальные – это такие правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно науке; легальные – термины, которые получили нормативное закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах, законах и подзаконных актах [9,10]), так как определение юридического понятия непосредственно влияет на дальнейшее применение правовой нормы.

Другим важным вопросом современных определений является появление новых логических ошибок, нарушающих правило соразмерности дефиниции. К двум классическим ошибкам – широкое и узкое определение, уже давно добавились еще две – бессмысленное определение и пересечения понятий дефиниендума и дефиниенса. Однако сегодня логический анализ дефиниций научных категорий выявляет еще одну ошибку: указание нескольких: двух, а иногда и трех – родов в одном определении.

Таким образом, во-первых, юридические дефиниции разрешают исключить споры относительно сущности понятий. Во-вторых, использование термина без фиксированного определения предоставляет его толкованию слишком широкий круг интерпретаций. В-третьих, если употребляемое понятие не имеет юридического определения на текущий момент, то использовать его не запрещено, однако утверждать, что оно и не нуждается в определении – беспочвенно.

Источники и литература

1. Беженарь Д. Истинное лицо "живой этики" // Камо грядеши. Миссионерский сборник № 2. – Г.: Москов. Духовн. Академия. – 2001. – С. 25–32.
2. Воробьевский Ю. Шаг Змеи. – Полтава: Украин. православ. церковь Полтав. епархия Спасо-Преображенский Мгарский монастырь. – 2003. – 525 с.
3. Гайслер Н., Боккино П. Непокоримые основания. – Симферополь: ХНАЦ. – 2003. – 400 с.
4. Кураев Андрей, диакон. Влияние массовой культуры на сознание молодежи // Вісн. прес-службы Укр. Правосл. Церкви. – 2004. – Вип. 34. – С. 24–28.
5. Мансурова В.Д. Инстанция истины: О соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 98–109.
6. Миронова Г. Моральні засади Сімейного кодексу України // Право України. – 2004. – № 4. – С. 94–106.
7. Невельская–Гордеева Е. П. Нормативное поле в контексте современной культуры // Пробл. законності: Респ. міжвідомч. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2005. – Вип. 72. – С. 201–208.
8. О рекламе: Закон Украины от 11.07.2003 // Офіц. Вісн. України. – 2003 г. – № 38. – Ст. 2020. – Ст. 1.
9. Панов М. Проблеми формування понятійного апарату юридичної науки: методологічні аспекти // Вісник Академії Правових Наук України. – 2003. – № 2–3. – С. 54–67.
10. Панов Н.И. Понятийные аппараты наук криминального цикла: соотношение и взаимосвязь // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 57–60.
11. Полешко А. Презентация проекта Основ (Концепции) дер-жавно-церковних отношений в Украине // Право України. – 2003. – № 12. – С. 133–134.
12. Портал-Кредо. Ru. Швеция: пастор попал в тюрьму за осуждение содомитов во время проповеди // Православная Харьковщина. – 2004. – 7(24). – С. 3.
13. Рабинович П., Ярмол Л. Возможности усовершенствования законодательного обеспечения права человека на свободу вероисповедания в Украине // Вісн. Акад. правових наук України. – 2004. – № 1(36) – С. 16–27.
14. Рыбаков С.В. Становление гражданского общества в России и религиозные организации // Социальное партнерство государства и церкви – объективное условие стабильности политической системы гражданского общества: Науч.-теор. аспекты государственного управления в свете учения пре-под. Серафима Саровского: Сб. матер. междунар. науч.-теор. конф., посв. 250-летию со дня рожд. препод. Серафима Саровского // Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2004. – С. 166–172.
15. Тутьчинский Г.Л. Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология: Новый сдвиг гуманитарной парадигмы // [Homo philosophans](#). Сборник к 60-летию профессора [К.А. Сергеева](#). Серия "Мыслители", Вып. 12. – СПб.: [С.-Пб. филос. общество](#), 2002. – С. 423–438.
16. Янушуявичене О. "Православная культура имеет так много ценностей, что рассуждать над тем, нужно ли все это, вообще странно" // Вісн. прес-службы Укр. Правосл. Церкви. – 2004. – Вип. 34. – С. 43–45.